

Свирри-свит

Еще не окончил февраль наигрывать свою мрачноватую мелодию, которая сопровождалась эффектами завывания ветра и скрипа замерзшей колонки (той, что на перекрестке, у магазина "Шарм"), как уже март настойчиво бросал новые аккорды в эту гнетущую полутьму городской зимы. Сперва чуть заметно, а потом все отчетливей слышала Элла весенние мотивы: сначала она поняла, что в пуховике становится жарко, потом почувствовала, что перед тем, как зайти домой, хочется подышать воздухом, подняв глаза в чистое прозрачно-голубоватое небо, а сегодня еще это "Свирри-свит!" Когда она услышала уверенный, пронзительный голос неизвестной птички за окном своего рабочего кабинета, то поняла совершенно отчетливо: весна идет. Идет же! "Свирри-свит! Свирри-свит!", - кричала птичка. Вспомнились детские годы, песня о жаворонке, которую они исполняли на конкурсе хоров: "Он голосисто с вышины поет на солнышке сверкая: "Весна пришла к нам молодая! Я здесь пою приход весны!" Элла улыбнулась и, закрыв журнал инструктажа по технике безопасности, откинулась на спинку стула. "Свирри-свит!" - вполголоса пропела женщина, обернувшись в сторону окна, - "Свирри-свит, маленькая птичка!"

Со скрипом открылась дверь кабинета. Элла поспешила сесть прямо, и с дежурной улыбкой посмотрела на Марину Викторовну. Та была младше по должности, но, в силу большой разницы в возрасте, Элле и в голову не приходило называть коллегу по имени.

- Элла Александровна! Я опять со своим!

- Да, Марина Викторовна, я Вас слушаю! (о, нет! неужели опять нестыковка показателей?! сил нет больше у меня!)

-Элла Александровна, поговорите за меня с директором! Муж совсем плохой. Не даст ли она мне хотя бы недели две отпуска сейчас отгулять? Там, глядишь, может и полегчает ему. Или же совсем...

Пожилая женщина мялась перед ней, как студент на экзамене. Ее лицо покрывала мелкая сеточка морщин, и, казалось, что каждая морщинка на нем появлялась вместе с новым переживанием. Сначала этот ужасный просчет по невнимательности, из-за которого беднягу чуть не уволили, затем смерть старшей дочери в результате передозировки героина, теперь тяжелая болезнь мужа, отдавшего всю жизнь опасному производству. Марина Викторовна нервно теребила краешек своего старомодного бардового пиджака "из ковра". У Эллы сжалось сердце.

-Я поговорю, Марина Викторовна, не переживайте!

В этот момент она чувствовала, что разговор нужно продолжить, узнать подробнее о состоянии мужа, поддержать, но она настолько устала, да еще это весеннее "Свирри-свит" неотступно манило на улицу, что задерживаться на работе никаким образом не хотелось.

"Завтра с ней обязательно поговорю, расспрошу обо всем, а сейчас..."

-Вы простите, Марина Викторовна, мне домой надо!

"Р азве десять минут способны нанести большой ущерб семейному ужину?"- вдруг подумалось ей.

-Конечно - конечно, извините, - замялась женщина, - Спасибо Вам, Элла Александровна!

Спасибо огромное! До свидания!

-До свидания, Марина Викторовна, держитесь!,- вставая со стула, ответила Элла. Женщина суетливо покинула кабинет, осторожно прикрыв за собой дверь.

"Свирри-свит! Свирри-Свит!" - пела неведомая птичка.

"Какой же чудесной Бог создал тебя, малютка! Взглянуть бы на тебя, рассмотреть твои перышки!"

Элла шла домой по тихой вечерней улице, а справа, над домами, величаво плыло огромное закатное солнце - красный шар. И когда она подходила к той самой колонке, то снова услышала: "Свирри-свит! Свирри-свит!" Птичка затерялась где-то в ветвях высокого старого тополя, и ее опять было невозможно увидеть. "Сколько же вас, Свирри-Свит?" В сумке зажужжал мобильный. Пока она пыталась вытащить его, натываясь то на косметику, то на гелевые стержни, мимо прошла молоденькая девушка, совсем школьница, с заплаканным лицом. Их глаза на секунду встретились. "Свирри-свит!" - пела птичка, - "Свирри-свит!" Элла прибавила шаг, так как звонившим оказался сын: он вернулся с тренировки раньше обычного, и теперь интересовался, во сколько ждать ужин.

Бойко хрустя сапожками по снегу, Элла приближалась к дому. Усталость испарилась: сейчас она встретится с Максимкой - милым, добрым ребенком. В свои 14 лет он уже стал активным помощником в детском служении. А за последние два года он несколько раз ездил в молодежный христианский лагерь. Сердце переполнялось радостью в те дни, когда на пороге встречал ее дорогой сердцу голос: "Привет, мам! а я как будто и соскучился!" Она всегда отвечала: "И я как будто тоже соскучилась! Иди что ли сюда, обними мать!" Особенно радостно было, когда и муж успевал домой к шести. Тогда они ужинали всей семьей: вспоминали события прошедшего дня, обсуждали ее отчеты и его поставки, смеялись над рассказами сына о событиях в школе, рассуждали о делах в церкви. Им было по-настоящему хорошо вместе. И так было с первого дня: того самого, когда они сказали друг другу "Да!" и обменялись кольцами, символизирующими бесконечную любовь.

Подойдя к подъезду, Элла на минутку задержалась на улице. Солнце зашло, и только приятный розовый свет разливался по краю неба. "Здесь нет "Свирри-свит!" А жаль!"

Из подъезда попытался выйти пьяный сосед, но не получилось - он поскользнулся на льду и упал. Не успела Элла опомниться, как Валентин Николаевич довольно-таки ловко встал и побрел по своим делам. Четыре года назад от него ушла жена, и с тех пор не проходило ни дня, чтобы он не залил свое горе. На мгновение Элле охватила непонятная тоска.

-Мам! - донеслось сверху, - Ты чего не идешь?

-Я иду! Максим, закрой окно немедленно! Иду! - строго ответила Элла, глядя на окно второго этажа, откуда виднелось улыбающееся лицо ее Максима. Она, конечно, не сумела сдержать ответной улыбки, хотя сначала и рассердилась по поводу того, что Максим не бережет свое здоровье, позволяя холодному зимнему воздуху беспрепятственно простужать горло.

Через двадцать минут они уже сидели за столом и ели жареную картошку с куриными котлетами. После того, как Максим поделился очередной порцией ярких событий школьного дня, Элла решила рассказать мальчику о "Свирри-свит".

Максим улыбнулся:

-Мам, какая ты романтичная, оказывается! Ты знаешь, я что-то подобное слышал сегодня, когда мы перед тренировкой в "Южный" заходили. Только оно было похоже больше на "Свити-свити!" Наверное, это была другая птичка, родственница.

-Наверное, - ответила Элла, размешивая в чае сухие ягоды земляники. - Ты знаешь, меня такая радость охватила, когда я это пение слышала! подумала, как наш Бог замечательно всё создал! И голос дал птицам!

-Мам, а я еще знаешь о чем сейчас подумал... - лицо сына вдруг превратилось из умиротворенного в обеспокоенное, даже немного расстроенное, - там, у Южного, сидел человек. Он был без ноги, а в руках у него была гармошка. Или как это... баян, вот. И табличка рядом: "Песни на заказ. Одна песня - 10 рублей." Но никто не хотел слушать песни, все проходили мимо. Наверное, он не радовался, когда слышал "Свити-свити". Наверное, он вообще не думал про маленькую птичку. И не радовался весне. Он грустный был.

Элла слушала сына, не перебивая. Глаза ее медленно наполнялись слезами.

-Мам, я ему приглашение в церковь дал, у меня было с собой несколько штук. Серега Рыбкин, конечно, вставил "умную мысль", что ему деньги нужны, а не церковь. А я ответил, что Бог всем нужен. И бедным и богатым. Мам, я правильно сказал? Мам, ты не против, что я ему пятьдесят рублей дал? Я подумал, вы не станете ругать из-за этого.

-Ты правильно сказал, дорогой, все правильно! И сделал все правильно! - Элла встала со своего стула и, подойдя к Максиму, крепко обняла его.

Той ночью она не могла уснуть. Промучившись до двух часов, она встала и походила по комнате, потом пошла на кухню и прильнула лбом к стеклу. В ясном ночном небе дрожала круглая луна. Когда в глазах слезы - мир вокруг начинает дрожать и расплываться. Да, она умела радоваться пению птиц, звону весенней капли, следам кошачьих лапок на белом снегу. А кто-то, думала она, возможно, рыдал сегодня у постели умирающего близкого человека, под громкое весеннее "Свирри-свит" за окном. Кто-то, может, примерял ножик к запястью, добровольно решая уйти в ложной надежде обрести покой после смерти, под непринужденное "Свирри-свит!" - последний звук земной жизни. А кто-то с трудом поднимался со ступеней гипермаркета, взваливая на плечи тяжелый музыкальный инструмент, ставший таким же ненужным людям, как и его хозяин... Не обращая внимания на "Свирри-свит!" Или "Свити-свити!"... И хотя она не могла стать спасением для погибающих и утешением для страдающих, она знала Того, Кто может все это. Перед ней промелькнули Евангельские эпизоды: Иисус кормит толпу голодных людей... Идет туда, где плач, где похоронен Лазарь... Защищает падшую женщину... А потом, в самом расцвете сил, добровольно отправляется на Голгофу, чтобы взять на себя весь ужас человеческих грехов... Чтобы она, Элла, тоже была прощена и спасена от ада... Чтобы она жила в радости и мире... Разве Иисус замыкался в Себе и Своем благополучии? Разве смотрел равнодушно на погибающий мир? "Господи! Даже мой сын подошел к этому несчастному человеку! Почему же я, стараясь воспитать его достойным христианином, сама не хочу быть открытой для людей?" Но ответ на этот вопрос был и так ей известен. "Помоги мне служить другим! Всем, не только моей семье! Помоги мне переступить через свой мир, и говорить другим, что и для них есть надежда - что есть Ты, Иисус... Господи, измени мое сердце!"

В ту предпоследнюю ночь февраля луна была такой яркой и близкой, а звезды - далекими и недоступными... Но Иисус называет звезды по имени. Тот, Кто создал горы, моря, и маленькую птичку, поющую "Свирри-Свит", способен услышать голос всех, призывающих Его искренне.

2013

Анна Артеева
May 11, 2014

Источник: <http://www.poems4christ.com/ru/article/9039>

© Copyright 2025, Поэзия для Христа - www.poems4christ.com